

Гао Цюн почувствовал неловкость. Он сослался на необходимость сходить в туалет и зашел в ванную. В носу все еще было немного больно, но крови не было. Однако, когда Чжан Сяо начал благодарить его, Гао Цюн почувствовал, что у него может пойти кровь из носа. Он молча постоял перед раковиной, вспоминая прочитанное в «Общих знаниях для часовых» о сексуальных реакциях, и тихо вызвал свое ментальное тело.

Через десять минут он отправил сообщение Чжоу Ша.

[Мой волк стал розовым. Он заболел?]

Чжоу Ша ответила смайликом с закатывающимися глазами:

[Да].

Если быть точным, его волк не был розовым, а лишь слегка просвечивал красным из-под серо-белой шерсти. Этот красный цвет, скрытый под слоями, казался Гао Цюну розовым.

Он убрал волка, умылся и спокойно вышел.

Неизвестно, не хотел ли Чжан Сяо говорить с ним или просто стеснялся, но он, собрав фотографии, ушел в спальню, оставив Гао Цюна одного в гостиной.

— Ладно, отдыхай, — сказал Гао Цюн. — Я буду под домашним арестом в гостиной.

— В холодильнике есть замороженные булочки, — сказал Чжан Сяо. — Правда, нет булочек с мясом и сельдереем, есть с барбекю и сырым мясом. Если хочешь, можешь разогреть. Ты умеешь?

Гао Цюн раздраженно ответил:

— Умею!

Он наблюдал, как Чжан Сяо ушел в спальню, затем плюхнулся на диван и снова сжал нос.

Ему было очень странно. Раньше, в доме Ин Чанхэ, он выпускал силу своего ментального тела, и теперь, в доме Чжан Сяо, он тоже выпустил его. Чжан Сяо был очень чувствителен к ментальным телам часовых, он не мог этого не почувствовать. Но он не испытывал ни страха, ни дискомфорта.

Гао Цюн невольно подумал: он больше не боится меня? Это тоже эффект запечатления?

Подумав, он почувствовал радость, встал, достал замороженные булочки, положил их на тарелку и начал готовить на пару.

Булочки были твердыми и громко стучали по тарелке.

Гао Цюн слушал этот звук и тоже чувствовал радость.

Во второй половине дня Ин Чанхэ позвонил ему и сказал, что его домашний арест отменен, а Чжан Сяо продолжается.

Чжан Сяо тоже проснулся и собирался проводить его.

— Ты не можешь уйти из дома, — сказал Гао Цюн. — Я сейчас возвращаюсь на дежурство в

Комитет по управлению культурными реликвиями, все должны быть на дежурстве.

— Знаю. Сейчас уже поздно, в больницу нельзя, — Чжан Сяо, дрожа, стоял в дверях, накинув пальто. — Холодно, ты уходишь?

— Ухожу, — радость, которая была у него до этого, исчезла. Гао Цюн почувствовал, что Чжан Сяо как будто выгоняет его. — Ладно, увидимся завтра.

Чжан Сяо удивился:

— Завтра ты тоже придешь? Завтра первый день Нового года, выходной.

— В выходной нельзя? — Гао Цюн вспомнил, как тот задавал ему вопросы в лифте. — В выходной нельзя прийти к тебе?

Чжан Сяо широко раскрыл глаза, и его лицо мгновенно покраснело.

— М-м-можно, — он заикался. — Можно.

— Потому что Ин Чанхэ сказал мне завтра забрать тебя в больницу, — добавил Гао Цюн.

Чжан Сяо:

— ...

Он почесал висок, улыбнулся, слегка смутившись.

— Тогда, увидимся завтра, — Гао Цюн стряхнул мелкие снежинки с его плеча.

— Увидимся завтра, — тихо ответил Чжан Сяо.

На следующий день Гао Цюн действительно пришел вовремя.

Судя по его привычке опаздывать, Чжан Сяо думал, что, если он сказал, что придет в семь, то появится не раньше половины восьмого, но Гао Цюн пришел в шесть.

Он принес с собой снежинки, холодный воздух и немного радости, позвонив ему счастливым голосом:

— Привет. Ты уже встал?

Чжан Сяо едва успел немного поспать перед рассветом и все еще был в полусне:

— Встал, подожди немного.

Они разогрели замороженные булочки, быстро позавтракали и сразу же взяли вещи Ду Цивэя и отправились в путь.

Вчера, перед тем как вернуться на дежурство в Комитет, Гао Цюн зашел в Офис кризисного управления и передал фотографии Ду Цивэя сотрудникам. Цинь Шуаншуан не было, Цинь Еши тоже, и он, беспокоясь, выпустил свое ментальное тело, чтобы напугать их. Но его волк все еще был слегка розовым, и девушки из Офиса, окружившие волка с розовыми ушами и хвостом, смотрели на него с восхищением.

Запугивание не сработало, и Гао Цюн решил не рассказывать Чжан Сяо об этом.

— Я уже передал фотографии, не переживай, — сказал он.

Чжан Сяо рассеянно смотрел на названия станций:

— Ага.

Не получив похвалы, Гао Цюн с легкой грустью взял у него вещи. В метро было пусто, этот оживленный город становился пугающе безлюдным во время праздников, люди разъезжались в разные стороны, а после праздников снова возвращались. Гао Цюн никогда не путешествовал далеко и не сталкивался с новогодними переездами, он просто думал, что метро очень пустое, мест много, и они с Чжан Сяо могли спокойно сидеть и медленно ехать.

Сегодня ночью, из-за поступления нового пациента в реанимацию, Ду Цивэя, чье состояние стабилизировалось, перевели в отдельную палату.

Сотрудники Офиса кризисного управления дежурили за дверью круглосуточно, в палате были установлены камеры, за ним наблюдали врачи и медсестры. Об этом Чжан Сяо узнал, когда ему позвонил Цинь Еши.

Врачи сказали, что жизненные показатели Ду Цивэя пока стабильны, но ситуация все еще серьезная. Его мозг еще не пробудился, функции не восстановились полностью, и существует риск атрофии ствола мозга. Ментальные тела часовых и проводников тесно связаны с их мозговыми волнами. Возбужденный часовой имеет радостное и счастливое ментальное тело, а эмоционально нестабильный иногда даже не может вызвать его. Ментальное тело Ду Цивэя было наполовину съедено змеей, оставшаяся часть вернулась в его тело и с огромным усилием поддерживала сердцебиение и дыхание.

Чжан Сяо кратко рассказал Гао Цюню о состоянии Ду Цивэя. Они стояли у входа в 267-ю больницу, ожидая, когда выйдет Цинь Еши.

Цинь Еши быстро вышел. Он не спал два дня, постоянно дежуря в больнице, его красивое лицо было изможденным, а на подбородке появилась щетина.

— Отлично, что ты пришел, — он взял Чжан Сяо за руку и повел в больницу, мимоходом показывая охраннику свой пропуск. — Уговори девушку Ду Цивэя пойти домой отдохнуть, я не могу с ней договориться. Она упрямее моей сестры.

Гао Цюн плотно следовал за Чжан Сяо, пристально глядя на руку, которой Цинь Еши держал его.

Девушка Ду Цивэя была владелицей его кафе, обычным человеком. Она не знала, что ее парень — часовой, и Ду Цивэй не смог раскрыть ей свою тайну. Однако после двух дней хаоса и объяснений сотрудников Офиса, она полностью поняла, что происходит.

В эпоху, когда информация распространяется мгновенно, все быстро становится известным, будь то особенности особых людей или то, что значит исчезновение ментального тела часового.

Девушка, казалось, уже плакала, но выглядела слегка оцепеневшей. Она сидела рядом с кроватью Ду Цивэя, безучастно глядя, как капли лекарства падают из капельницы.

Цинь Еши и Гао Цюн стояли за дверью палаты, оба боясь войти, чтобы не столкнуться с возможными слезами.

— Вчера я был у Чжан Сяо дома под домашним арестом, — вдруг сказал Гао Цюн.

Цинь Еши удивился.

— Ага. Так и есть, — серьезно ответил Цинь Еши. — У меня нет возражений против общения Чжан Сяо с обычными коллегами.

Гао Цюн:

— ...

Он сжал зубы, но, учитывая время и место, великодушно посоветовал себе: не стоит злиться на этого человека, это слишком скучно.

— Мы не обычные коллеги, — все же добавил он. — Мы напарники.

Цинь Еши с сочувствием посмотрел на него и терпеливо сказал:

— Эх, ты, наверное, не понимаешь разницы. В нашем понимании, напарники — это тоже коллеги, понял?

Гао Цюн:

— ...

Оба почувствовали, что не могут понять друг друга, и холодно замолчали.

Через полчаса дверь палаты открылась. Девушка вышла с сумкой в руке, накинув пальто, и поблагодарила Цинь Еши.

Цинь Еши проводил ее из больницы, а Гао Цюн, наблюдая, как они уходят, повернулся, чтобы войти в палату.

Но дверь, казалось, была заперта изнутри, и он не смог ее открыть.

<http://bllate.org/book/16847/1550261>